

**АЛЛАХВЕРДЯН А. Г. ДИНАМИКА НАУЧНЫХ КАДРОВ
В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ НАУКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. М.: КОГИТО-ЦЕНТР,
2014. 263 с.**

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ОНОПРИЕНКО *

Монография посвящена кадровой политике СССР и современной России в сфере науки в контексте трансформации советской науки в российскую. Автор на протяжении трех десятилетий кропотливо и настойчиво осуществлял мониторинг кадровых изменений в советской и российской науке: в книге представлены статистические данные об изменении общей численности и структуры научных кадров в период преимущественно с 1950 по 2010 г., хотя приводятся экскурсы и в более глубокую историю. Кадровые изменения в науке отражают и аккумулируют в себе деструктивные последствия рыночных реформ и кризиса общества в 1990-е гг., поэтому их анализ выходит за пределы традиционных науковедческих подходов и позволяет сделать более глубокие выводы.

Автор позиционирует свой подход как комплексный и эволюционно-исторический: преодоление негативных кадровых тенденций в функционировании современной российской

науки – проблема комплексная, включающая и осмысление ее близлежащего советского прошлого. К тому же исторический опыт государственной политики организации науки и воспроизводства научных кадров в Советском Союзе и ныне представляет немалый интерес. В этом отличие данного труда от многих российских работ по кадровой динамике в науке.

В книге проанализированы такие аспекты кадровой динамики, как научная квалификация ученых, их возрастной и гендерный состав, подготовка в аспирантуре, эмиграция научных кадров, их адаптация в зарубежной российской научной диаспоре, возможности реэмиграции ученых-соотечественников на родину. Ценным является то, что в центре внимания находятся мотивационные, социальные и психологические факторы, влияющие на динамику научных кадров.

Еще одна методологическая особенность монографии – формулирование проблем кадровой динамики науки в аспекте становления демографии науки как нового направления исследований в системе науковедения. По мнению автора, начиная с 1990-х гг. именно демографические проблемы

* Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины. Украина, 01032, Киев, бул. Тараса Шевченко, д. 60. E-mail: valonopr@gmail.com.

в постсоветской науке (обвальное сокращение, старение научных кадров, активная миграция в бизнес и за рубеж, суперфеминизация науки и т. д.) выдвинулись на передний край исследований и обозначили переход в новое качество: демография науки обретает свой собственный предмет, специфический круг научных проблем, методические подходы. Ранее сугубо демографические проблемы (пол, возраст, миграция ученых) либо вообще не ставились, либо рассматривались как не особо существенные в аспекте социологии науки.

Исследование реализовано как сравнительно-историческое, поэтому рассмотрен достаточно длительный временной отрезок: 1950-е гг. – современность. Именно это определило и специфику результатов, и анализ фактического материала. Авторские выводы, подтвержденные большим сравнительным фактическим материалом, носят нетривиальный характер.

В советской науке (1950–1980-е гг.) характерной тенденцией являлся неуклонный рост числа научных работников (в 9,4 раза). В 1990–2010-е гг. прослеживается обратная тенденция – неуклонная депопуляция науки, выразившаяся в сокращении числа исследователей в 2,7 раза. Такая тенденция уменьшения числа исследователей в России разошлась с тенденцией, характерной для развитых стран мира, где рост численности ученых, начавшийся в 1950-х гг., активно продолжался и в 1990–2000-е гг.

В советской науке рост численности научных работников в различных областях наук осуществлялся последовательно, но весьма неравномерно. В 1950–1980-х гг. наибольший рост имел место в технических науках – (в 17,3 раза), наименьший – в гуманитарных (в 4,5 раза), в том числе в исторических науках (в 3,6 раза).

Большой интерес вызывает вывод о том, что негативные тенденции в кадровом составе проявились не в кризисные 1990-е гг., а корнями уходят в предшествующую историю советской науки. Так, сокращение «удельного веса» российской научной молодежи («до 29 лет») в общей численности научных кадров относится к концу 1960-х гг.; численность аспирантов стала уменьшаться с середины 1970-х гг.; уменьшение размера средней зарплаты в научной отрасли (в сравнении с другими отраслями народного хозяйства) и стипендий аспирантов началось в первой половине 1970-х гг.; сокращение общей численности ученых началось – в годы советской перестройки в 1987 г. Начавшееся в 1970–1980-х гг. ухудшение совокупности количественных и качественных характеристик состава научных кадров (по сравнению с 1950–1960-ми гг.) явилось отражением изменившегося отношения советского государства к статусу «приоритетности науки»: от «реально-приоритетного» в 1950–1960-х гг. до «декларативно-приоритетного» статуса в 1970–1980-х гг.

Автором разработана модель «Поэтапной депопуляции российской науки», включающая четыре последовательных этапа, каждому из которых соответствует численный спад исследователей (в процентах): 1989–1994 гг. – этап «радикального кадрового спада» (–79 %); 1994–1998 гг. – этап «замедления кадрового спада» (–14 %); 1998–2000 гг. – этап «стабилизации и мини-роста кадров» (+1 %); 2000–2010 гг. – этап «продолжения кадрового спада» (–8 %). Наибольший спад численности российских исследователей пришелся на «первую пятилетку» (1989–1994 гг.), а «годовой пик» спада – на 1993 г.

В постсоветские годы среди различных областей наук наибольшее число исследователей сократилось в технических науках. Однако последние, как и в советский период, продолжают оставаться явным лидером по числу исследователей. Достаточно сказать, что в 2011 г. показатель численности исследователей в области технических наук – 60 % – превосходил этот же показатель во всех других областях (естественных, социальных, гуманитарных, медицинских, сельскохозяйственных) наук вместе взятых – 40 %.

В советской науке рост уровня феминизации науки был медленно эволюционным с 37,3 % в 1960 г. до 40,3 % в 1988 г. В последующий шестилетний период он приобрел скачкообразный характер – 48,8 % (1994). Кризис в научном сообществе, начавшийся на рубеже 1989 и 1990-х гг., породил новый феномен – «суперфеминизацию науки»: доля женщин-ученых (в процентах) в постсоветский период резко возросла во всех областях наук, в особенности в гуманитарных, где женщины-ученые стали численно доминировать (данные на 2011 г.) в таких науках, как история (56 %), искусствоведение (62 %), филология (76 %), культурология (78 %).

Автор еще в «перестроечный» период советской науки был одним из пионеров изучения «утечки умов». С тех пор эта проблема существенно дифференцировалась, привлекла многих исследователей и внимание государства в России. В книге различаются историко-научный и историко-научковедческий подходы к изучению проблемы эмиграции ученых. Для обоих подходов общим объектом являются ученые-эмигранты, но предмет исследований существенно различается. Первый подход персонафицирован, направлен на воссоз-

дание индивидуальной биографии, неповторимой судьбы ученого-эмигранта. Историко-научковедческий подход, представленный в книге, направлен на социально-групповые характеристики научной эмиграции как целостного социально-исторического феномена (масштабы, причины, география, адаптация, последствия и т. д.).

Автором разработана социологическая методика изучения эмиграционных намерений научных кадров, включающая комплекс из 12 мотивообразующих факторов «утечки умов». На ее основе проведен сравнительный анализ основных причин эмиграции научных кадров в советской (1990) и постсоветской (1995) науке. С переходом от советской к постсоветской системе организации науки мотивообразующие факторы материального характера стали играть все возрастающую, доминирующую роль в формировании эмиграционных намерений российских ученых, причем иерархия системы мотивов оказалась существенно различной у ученых-естественников и ученых-гуманитариев.

Аллахвердян как профессиональный науковед всегда занимал активную позицию в отстаивании интересов науки. Не могу не вспомнить о случае, упомянутом в моей книге «Науковедение: поиск системных идей» (Киев, 2008). В начале 2000-х гг. на совместном заседании Совета безопасности России, президиума Госсовета и Совета по науке и высоким технологиям президент России В. В. Путин охарактеризовал современную кадровую ситуацию в науке как «болезненную», поскольку по оценке специалистов из науки только за последние пять лет ушли 800 тыс. человек. Аллаxвердян показал, что на самом деле, согласно официальным статистическим данным, за эти пять

лет из науки ушло около 103 тыс. работников (а собственно ученых – не более 59 тыс.). Следовательно, приведенная в докладе цифра почти в 8 раз превышает реальный показатель, и он связал этот далеко не безобидный казус с существенным сокращением доли затрат на науку: с 1,85 % в 2001 г. до 1,56 % в 2002 г. Это выступление нашло широкий отклик в научном сообществе.

В последние годы Аллахвердян приложил большие усилия для того, чтобы обратить внимание общества и государства на недопустимо низкий уровень аспирантских стипендий в России (речь об этом идет и в монографии), что даже априорно никак не способствует интенсивному исследовательскому труду аспирантов. Безусловно, это правильное требование. Однако, по моему мнению, повышение стипендий едва ли решит проблему аспирантской эффективности. На Украине аспирантские стипендии выше, чем в России, до недавнего времени немалые средства выделялись на гранты для аспирантов, тем не менее защиты диссертаций крайне редки, особенно в Академии наук. Проблемы здесь лежат более глубоко. Если уж немалая часть прирабатывающих студентов имеет заработки выше, чем у профессуры, то как ожидать от них и от аспирантов такого исследовательского рвения, которое почти повсеместно проявлялось у студентов и аспирантов в период взлета советской науки. Немалое влияние оказывают также «старение» исследовательских коллективов, разрыв в поколениях, дефицит в постсоветской науке среднего поколения, которое всегда выступало транслятором традиций и культуры исследовательского труда.

Монография насыщена богатым фактическим материалом, в ней более 50 таблиц, причем это не сухая

статистика, а отпрепарированный многослойным анализом материал, дающий разнообразную информацию для размышлений. Эта аналитика раскрывает, интерпретирует и объясняет разные стороны кадровой динамики науки.

Науковедение нередко упрекают за «рецептурность» знаний, привязку рекомендаций к конкретным ситуациям и отсутствие того, что называют профилем фундаментальной науки. Это снижает дисциплинарный статус науковедения по сравнению с другими научными отраслями. По моей оценке, материал монографии Аллахвердяна направлен как раз на повышение дисциплинарного статуса науковедения. Именно так следует расценивать авторские новации относительно расширения анализа кадровой составляющей науки до уровня демографии науки, систематическое привлечение материала по эволюции организации науки, что усиливает критерии оценки качества научного потенциала и использование компаративного анализа из истории науки, обращение к анализу мотивационных и психологических критериев при оценке исследовательского выбора в различных ситуациях. Понятно, что перспективы науковедения могут видеться по-разному. Я больше склонен их видеть в использовании концептуально-теоретического аппарата современной социологии науки. В книге найдены убедительные аргументы в пользу развития исторического науковедения, причем здесь польза двойная, не только для науковедения, но и для истории науки, которая явно обогащается, используя науковедческую аргументацию. Рецензируемая книга полезна как науковедам богатством и разнообразием анализа материала эволюции науки, так и историкам науки, которые мо-

гут почерпнуть в ней аксиологически ориентированные выводы о разных этапах организации науки. Недаром исследовательский проект, в рамках которого подготовлена монография,

называется «Институциональные изменения в отечественной и мировой науках и в научной политике (конец XX – начало XXI вв.)».

JOSEPHSON, P. R. WOULD TROTSKY WEAR A BLUETOOTH? TECHNOLOGICAL UTOPIANISM UNDER SOCIALISM, 1917–1989. BALTIMORE: THE JOHNS HOPKINS UNIVERSITY PRESS, 2010. 342 p.

НИКОЛАУС КАТЦЕР*

Рецензируемую книгу П. Джозефсона можно отнести к жанру «СССР / Россия глазами зарубежного историка науки (техники)». Ее автор преподает историю России и СССР в колледже Колби (Уотервиль, Мэн, США). Он много раз бывал в нашей стране, посещал академические институты (в том числе ИИЕТ РАН), учебные заведения и предприятия в различных городах.

Данная рецензия на книгу Джозефсона написана директором Германского исторического института в Москве (ГИИИМ) Николаусом Катцером, т. е. представляет собой любопытный вариант «Книга американского ученого об СССР глазами германского историка». Катцер любезно предоставил нам свою уже публиковавшуюся рецензию, попросив, чтобы ее перевод на русский язык был сделан с оригинального немецкого текста.

Какой должна быть история техники времен социализма? Сводится ли она к хронике изобретений или к описанию попыток «догнать и перегнать»? О чем в большей степени свидетельствуют грандиозные проекты, осуществлявшиеся в XX в. в советском полушарии: о неукротимом стремлении к знанию или о безоглядном движении к неким практическим целям? П. Р. Джозефсон ищет ответы на эти вопросы, разворачивая перед читателем индустриальный пейзаж с заброшенными производственными корпусами, оставленными в них заржавленными агрегатами и размышляя над утопическими планами

государственного социализма, неосуществимость которых к концу века стала очевидной.

Может показаться удивительным, что его внимание привлекает фигура политика, уже в 1920-е гг. потерявшего власть в борьбе со Сталиным и его соратниками. Но это лишь на первый взгляд: ни безжалостный вождь пролетариата Ленин, ни мастер интриги Сталин не были способны в полной мере оценить перспективы технического развития Советского Союза и его временных союзников. Оба в технике разбирались слабо. Их механистический подход к модернизации первоначально ограничивался использованием передовых технологий как рычага для революционных преобразований в социально-экономической сфере. Электричество и

* Германский исторический институт в Москве. Россия, 117418, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21. E-mail: dhi@dhi-moskau.org.